

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

писатель, лауреат премии Ленинского комсомола

СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

1

Как непросто это и как неловко — соединить радость и надежду, удачу и победу с грянувшей вдруг бедой и предательством, с безнадёжностью, но и противлением всё-таки, духовным несогласием в единении с простой мыслью — родина-то у нас одна. Да и всё это к отметке совершенно невероятной — 100-летию комсомола, которое следует за оболганным 100-летием Октября.

Что в этом бедламе каждый из нас? Личность или песчинка в океане — безмолвная, движимая волнами, которые не спрашивают тебя о твоих соображениях... или “тварь безответная”, которая всегда будет повторять то, что выкрикивают вздорные фальшивомонетки “новых” истин?

Но, может, подводя итоги — а их следует подводить каждому, да и делает это всяк по-своему, — стоит просто спросить: а что сделал лично ты? И все ли, что мог, сделал? И чем, какими путями был повязан, чтобы оправдать перед отжитой жизнью несодеянное — насколько замысел был неисполним в силу неодолимости препон, и что может быть услышанным оправданием за неисполненный замысел?

Подлиннее всего, наверное, исповедаться самому перед собой, — не боясь при этом ни осуждений, ни укоров со стороны.

2

Я вступил в комсомол в 1950 году, семиклассником, тогда каждого “испытывали” в комитете школьной организации, спрашивали устав, задавали иные вопросы, и там зачем-то сидела седая старушка, наш завуч, — Мария Николаевна Шельпякова, награждённая за учительствование в войну орденом Ленина. Почему-то меня посадили сначала рядом с ней, и тут она наклонилась ко мне и вдруг спросила шёпотом: “У тебя больное сердце?” Я удивился, мотнул головой, но она продолжила: “А то у тебя жилка на шее так бьётся!”

Наверное, я просто сильно волновался, но вопросы по уставу оказались совсем простыми, потом в райкоме нам вручили билеты. Какое-то время я был комсоргом класса, но, подрастая, жил вовсе не комсомольскими интересами, но зато шесть (!) раз в неделю ходил в спортивные секции, занимался лёгкой атлетикой и лыжами, и меня избрали физоргом школы. Дело было, конечно, в учителе физкультуры — его имя Николай Константинович Сычугов, и мы круто развернули дело. Школа была мужская, некоторых ребят корёжило послевоенное недоедание и дурное окружение, но мы, используя мальчишечье самолюбие и жажду самоутверждения, сделали так, что все, без исключения, были включены во что-то спортивное. Две команды по 30 человек на

ежегодной городской эстафете! Своя команда по русскому хоккею. Команда по боксу. Общешкольные соревнования по шахматам и шашкам. Массовая запись в секции детских спортивных школ. И результат – наш 10-классник Женя Брагин устанавливает на Всесоюзном первенстве рекорд Советского Союза по бегу на 800 метров для юношей.

Пацаны, пару лет назад подчинённые местной шпане, вдруг отрекались от хулиганского мира и вступали в секции, пусть даже бокса, но спорт не вооружал их умением драться, а ставил на своё место. Те, кто недавно провоцировал меня на “косалку”, безоговорочно подчинялся моим почти что приказам при, например, расстановках в эстафетах. Мой класс заканчивал школу в 1953-м, и прежде хватало в нем неподчинения, доходившего до бесовства, но за два года до аттестата вдруг неведомо откуда-то – и я думаю, через спорт и возникшее чувство командности – народ стал буквально хвататься за учёбу. Всякий чувствовал, что детство позади, пора отвечать за себя, и как же, например, мы металась по городу в поисках учебника по математике Ларичева – там были задачи по всем разделам математики для поступления в вуз.

И мои дружки, в прошлом хулиганы, матерщинники и задиры, поступили в вузы с первого захода (кроме троих). Один мечтал стать киномехаником и стал, хотя увлекался астрономией. А все остальные, кроме меня, гуманитария, оказались в университетах Москвы и Ленинграда – военно-механическом, институте инженеров железнодорожного транспорта, горном... Командность, стремление победить в спорте привели к победам личным, и я был просто одним из всех. Кстати, коллективный наш, с тремя моими приятелями, областной рекорд 1952 года (малая шведская эстафета для мальчиков) не улучшен до сих пор! И опять же – он был именно общий, и вот это общее было главной сутью того, нашего, времени.

Стоял ли за этим комсомол? В то время, в моем городе и на моих, так сказать, “рубезах”, конкретно, может быть и не стоял. Он был фоном. Но фоном государственническим, который для всех – или для большинства – открывал возможность состояться в жизни.

Из нынешнего, сильно изменённого мира, хочу заметить: одним из способов внушения уверенности во всяких новых поколениях требуется не засилье развлечений, ручных действий и пусть даже умственного напряжения, вроде гаджетов, а засилье бесконечного контактного общения, которое даёт только юношеский спорт.

Не спорт высших достижений – он явится сам по себе из высоких результатов, – а сотни тысяч доступных и бесплатных детских и юношеских спортивных школ, с миллионами детских команд по всем видам спорта. Шесть дней в неделю, когда я после уроков бежал на секцию, не позволяли погибать в безделье, ерунде, дурных выдумках.

А ещё мы много читали. Не буду здесь говорить об этом, потому что в результате этого и сам стал писателем. Но книги с высокими духовными установками в скрепе со спортом сформировали грамотное и деятельное послевоенное поколение, на которое немало чего легло.

3

Уральский университет имени М. Горького, куда я поступил на отделение журналистики, тоже не стал для меня “школой” комсомола, хотя я был знаком с первым секретарём нашего райкома Юрием Мелентьевым. Тогда он ещё учился в аспирантуре истфака, а вырос в директора главного издательства комсомола “Молодая гвардия”, замзава агитпропа ЦК партии и министра культуры РСФСР.

Так вот – комсомол в нашем университете поник и был незримо бит за реакцию на закрытое письмо по поводу культа личности Сталина. Свердловск был далековат от столиц, и студенты, услышав в закрытом письме поток обвинений в адрес только что искренне любимого вождя, задали простецкий вопрос: а где были вы, соратники Сталина, сейчас спрятавшиеся за “закрытое письмо”? Спустя десятилетия я написал и опубликовал роман “Оглянись на повороте, или Хроники забытого времени”, который презентовал, в том числе, в Екатеринбурге. В нём я обозначил вопросы, так и не нашедшие ответа до сих пор – в силу вечного, наверное, не увядающего в любые эпохи, всякий раз измененного, но всё того же неугасающего волонтаризма.

В родном Кирове, куда вернулся после университета, я совершил (или со мной совершилось) несколько событий. Первое — я женился на комсомолке и первом дикторе Кировского телевидения Лилии Александровне, у которой в 1941 году погиб на границе отец-офицер, а в 1945 году мать. На эту тему я напишу повесть “Голгофа”, а “Мосфильм” снимет картину “Карусель на базарной площади”, где главные роли сыграют Регимантас Адомайтис и Сергей Гармаш, — но дело в другом. Дело в том, что эта девочка стала моим духовным тылом, олицетворением совести и доброты. И это именно то, что требовалось для становления мужчины.

Второе — я столкнулся сразу с 50 малышами-сиротами, которых привезли из районного детдома и передали в школу-интернат. От имени газеты и по её поручению я участвовал в “благодеении”, когда ребят добрые взрослые разобрали по домам, но потом доброта сникла, и дети, за исключением двоих, усыновлённых, вернулись в интернат.

Мне понадобилось 20 лет, чтобы не просто исследовать, но исстрадаться этой бедой. В Кирове, да и разъезжая по Сибири и Дальнему Востоку, я обошёл множество сиротских заведений. Во мне складывались два вектора: литературный, — осмысливал повесть, получившую потом название “Благие намерения”, и организационный — требовалось довести проблемы современного, “невоенного” сиротства до сведения властей и изменить эту систему.

Третьим краеугольным событием стало моё утверждение главным редактором областной молодежной газеты “Комсомольское племя”.

Здесь я встретился и подружился с человеком, имя которого, увы, комсомол подзабыл. Его зовут Виктор Тимофеевич Дувакин. Он был секретарем райкома партии, в области начались перемены, и его избрали первым секретарем обкома комсомола. Не только он, но и парторганы готовили обновления всесторонне, и всех не устраивала “молодежка”. Декабрьским утром 61-го меня вызвали в обком партии, вечером я уехал в Москву, там меня разглядывали, в том числе легендарный потом антагонист советской власти, а в ту пору секретарь ЦК Лен Карпинский — утром следующего дня я был уже на областной комсомольской конференции, где утвержден редактором и избран членом Бюро обкома.

Виктор Дувакин был самодостаточный убежденец, человек, намного старше своих коллег равного уровня. И буквально через несколько месяцев, после мартовских выборов в Верховный Совет СССР, во время которых к нам приехал избираться Сергей Павлович Павлов, первый секретарь ЦК комсомола, Дувакина стали готовить в секретари ЦК по селу.

Своей основательностью, правдивым знанием русского села, отсутствием суетности и подобострастия он покорила Павлова. Мне, как редактору, Дувакин доверял безгранично, а с “ляпами” (у кого их не бывает) я приходил к нему сам. Однажды газета вышла без всеобщего девиза “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” (потеряли верстальщики, раньше ведь газеты верстались в металле). Я пришел к нему, протянул экземпляр газеты, пошутил, вроде “Повинную голову топор не сечет”. Он глядел, глядел на первую страницу, ничего не понял и ничего не нашёл, пришлось указать на отсутствующее. Он чертыхнулся. Посмотрел пристально на меня. “Кто заметил?” — “Ну, я, неизвестно даже почему, ещё один-другой из наших сотрудников”. Дувакин помолчал и предложил: “Самим распространяться не надо. Ну, а если сверху позвонят — отсылай ко мне”. Никто больше этого прокола не разглядел. Даже цензура. Впрочем, она тоже должна была бы за такое отвечать, но кому охота?

Дувакин, пожалуй, и разбудил во мне уже взрослое, не комсомольское, отношение к комсомолу. В командировках по районам я был вместе с ним раза два-три, и всегда он на глазах у меня достигал предметной цели. Его встречали первые секретари райкомов партии. Чаще всего он смотрел, ходил, спрашивал и добивался чего-то вместе с ними. Это было разумно, без всяких конфликтов, но с всегдашним установлением сроков. А что за дела? Коммуна молодых животноводов в одном районе, пренебрежительное отношение к ученикам и ученицам главы роно, ну и детские дома, когда я с ним, он не

обходил. Тут же выделял деньги из комсомольского бюджета, знакомился с людьми искренне, будто с родней, забытой, но найденной. И связи с ними потом продолжались.

Это длилось недолго. Дувакина избрали секретарем ЦК в мае 62-го, на XIV съезде.

6

Газета наша делалась дерзко, остро, её тираж за несколько месяцев вырос до 40 тысяч (с 10). Сразу после визита С. П. Павлова к нам приехала из Москвы целая бригада, которая выпустила записку об опыте редакции (я её до сих пор не читал), а когда в Москву забрали Дувакина, мне то справа, то слева стали сообщать, что и меня готовятся забрать в златоглавую.

Но Дувакин ничего не говорил, да и я никуда не рвался. И вот тут уже отдел пропаганды (а именно Валерий Ганичев) стал предлагать мне инструкторскую должность. Уехал я, правда, из Кирова в прямо противоположном направлении – в Новосибирск, собкором “Комсомольской правды” по Западной Сибири. Вместе с женой и маленьким сыном. Лиля не побоялась сменить свое звёздное положение на роль детского библиотекаря. Судьба, правда, быстро исправила эту ошибку, её скоро пригласили в телестудию, а когда меня забирали в Москву, всячески уговаривали со мной не уезжать.

Полуторогодовая командировка в Новосибирск занимает в моей жизни важную строчку. Ярослав Голованов, громкоголосый справедливец из отдела науки, кричал на редколлегии, где меня утверждали: “Ты будешь собкором по науке! У нас полно умельцев по селу, по рабочей молодёжи, по комсомольской жизни, а по науке ни одного! Газете надо восстановить отношения с Академгородком!” Тогда эти отношения хромали, и я занялся их восстановлением. Горжусь до сих пор, что был знаком с основателем Сибирского отделения Лаврентьевым, ядерщиком Будкером, генетиком Беляевым, математиками Ляпуновым, Векуа, Соболевым, археологом Окладниковым – кто поминает в столицах их нынче?

А Юра Журавлев, мой ровесник, в те дни моего собкорства получивший Ленинскую премию в одной из сложнейших, да ещё и закрытых отраслей математики! Его избрали в ЦК комсомола, и он был его неболтливым украшением – молодой человек, добившийся сверхпобеды! Позже он станет академиком.

Тогда же я познакомился с ещё одним будущим академиком Анатолием Деревянко, позже он будет секретарем ЦК комсомола по пропаганде – зачем это выдающемуся знатоку археологии, думал я, и лишь иногда спохватывался, когда он прилюдно говорил о чём-то. Это была речь человека из другого мира: другое построение фраз, аргументация, словарь, наконец. Комсомол приближался к высоким сферам науки, а она украшала комсомол, и хотя это не вылилось всё-таки в сложную систему, попытки происходили. Новосибирские же эксперименты системы НТТМ (научно-техническое творчество молодежи), закамуфлированное под комсомол предпринимательство (денежно успешное!), завершились скандалом с кучами неучтенного нала, но к науке отношения не имевшего. Так называемые коммерческие инновации, из которых в Москве чуть позже вызрел Ходорковский и другие молодцы от бизнеса, в Сибири провалились. Моё сознание не способно признать их частью комсомола.

Комсомол происходил от Павки Корчагина – Николая Островского, от молодогвардейцев, от героев Брестской крепости. А в Сибири 60-х годов их последователи жили рядом.

Навсегда в моем сердце Али Алиджанов, перенёсший туберкулёз, заработанный на изысканиях, но воспрявший – тогда секретарь комсомольской организации и главный инженер проекта “Сибгипротранса”, позже – директор этого института, проектировавшего все железные дороги от Урала до Тихого океана, а ещё позже – мэр Новосибирска. А тогда я написал о нем “распашной” очерк в большом формате прежней “Комсомолки” – два подвала, только сверху, так называемый “чердак”. Вдруг звонит главный редактор “Комсомолки”, мой начальник Юрий Воронов, мальчик блокадного Ленинграда, потом – большой поэт. Говорит: “Сейчас позвонил Павлов. Сказал: “Вот так надо писать о комсомоле”. Не радоваться нельзя. Но дело – я всегда это

старался отличить от всего другого — было не в “писать”, а в “жить” и “делать”. Алиджанов был таким до конца.

Там же, в Сибири, явилось такая практика — воинские эшелоны новобранцев возглавлял комсорг обкома — им был Володя Саваков, тогда — заведомо военно-патриотического воспитания, много лет спустя — помощник Предсовмина СССР Н. И. Рыжкова. Его приключения в ранге комсорга эшелона я переплавил в повесть, мной самим разок напечатанную и забытую. Но вдруг Свердловская киностудия ставит по ней фильм “Воинский эшелон” (сценарий Валентина Черных). Опять — отвага, мужество, жизнь, где подвиг соседствует с простотой и смехом.

Бывал я и на Запсибе, к примеру. Слыхивал про легендарного бригадира монтажников Николая Петровича Шевченко. И вот в Белгородской больнице, где я недавно оказался, подходит ко мне громадный человек и говорит: “А я вас знаю! Я — Шевченко”. Может, кто-то что-то не поймет, но имена подлинных героев, и не только комсомола, знали все, кто хотел знать и верить в свою собственную жизнь. Только сейчас выяснил: Шевченко из Новокузнецка направили в Старый Оскол, где он построил гигантский комбинат, был там первым секретарем горкома партии, затем председателем облисполкома, а орден Ленина получил на Запсибе, мальчишкой. Имя легендарного монтажника мартенов знала вся Сибирь.

7

Я так жадно вцепился в собственную память о короткой жизни в Сибири, пожалуй, потому, что тогдашнее её дыхание оставляло совсем другой след в душе, лишённый коммерческих помыслов, жадности, рвачества и других подлых, разрушительных, но существующих по нынешним временам ценностей. Вот досрочно построить домну — да! Провести новую дорогу — да! Открыть месторождение газа в Уренгое — да! И хотелось не только мне, к примеру, а всей стране, чтобы для детей в Уренгое, который только начинался, а народ жил в строительных “бочках”, скорее построили библиотеку. И “Смена”, где меня утвердили главным редактором после тяжелой операции, построила там одну за другой аж две библиотеки — для молодых строителей и для детей и юношества, и обеим власть присвоила имя “Смены”. Они до сих пор существуют, теперь в жилых домах, а тогда рабочие их собирали из деревянных панелей, которые сконструировали в родном мне Кирове, и для меня это тоже была радость. При этом моего звонка начальнику Генштаба Николаю Васильевичу Огаркову — пусть я и был главным редактором “Смены”, которая много писала о нашей армии — оказалось достаточным, чтобы нам, молодежному журналу, и раз, и два выделяли целые эскадрильи военно-транспортной авиации для перевозки воздухом и самих стен библиотек, и книг для них, собранных читателями, и всякого библиотечного оборудования. Правда, во второй раз он сказал мне, обращаясь на “ты”, как к родному:

— Понимаешь, ведь я в Афган даже воду самолетами вожу.

Вот что за времена это были. Я ему ответил, что понимаю, но ведь дорог в Уренгой нет. И все состоялось, как в сказке. И я этим “ты” горжусь по сей день — это не солдафонство было, нет, не грубость, напротив, признание меня своим, делающим дело, общее с заботами маршала Огаркова, а значит, и армии.

“Смена” считалась журналом рабочей молодежи, и мы не могли не писать о тех, кто по призывам партии, по путевкам комсомола и просто по совести своей ехал в Сибирь и на Дальний Восток, чтобы Родине помогать. Мы выпускали целевые номера, посвященные Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнему Востоку, создавая систему молодежного целеполагания, осмысленности выбора жизни теми, кто ехал туда и работал там. И в голову нам не могла тогда пробиться идея, что осваивать эти земли можно за бесплатный гектар, которым тебя одарят облеченные таким правом. . .

Я горжусь тем, что целая группа наших “журналист” — “сменовцев” во главе со мной получила медали “За строительство Байкало-Амурской магистрали”, что меня позвали сварить “красный” стык газопровода Уренгой — Западно-Европа за построенные там библиотеки.

Но отодвинув на время эту могучую практику живого комсомола, хочу вписать несколько фраз о деле не менее могущественном и незабываемом.

Приехав в Москву, я привёз с собой из Сибири разработанную идею: собрать молодые литературные силы тех мест и выпустить книжную библиотеку “Молодая проза Сибири”. В 50-ти томах.

Список авторов, действительно молодых, был наготове, идея – объединить написанное о Сибири новым писательским племенем – наиважнейшая. Павлов идею одобрил, в Госкомиздат РСФСР ушло письмо за подписью секретаря ЦК ВЛКСМ А. И. Камшалова. Через пару дней меня ищет по телефону Иван Григорьевич Падерин – писатель, сибиряк, а в ту пору еще и работник того самого комиздата, куда ушло письмо.

Реакция одна: полный восторг. Большой ЦК уже одобрил. Давайте редколлегию, совместное решение, издательские расчёты, главного редактора издательства уже вызвали в Москву. Предлагалось исполнить проект за 5 лет – по 10 томов каждый год. Обернулось сроком в 10 лет по 5 книг. Прочитано самое малое 250 рукописей. После завершения проекта, где я, по должности, сначала был рядовым членом редколлегии, а завершил библиотеку её главным редактором – но не это главное, – я ощутил идейное завершение смысла соединения Сибири, её истории на всех этапах, живой, на глазах создающейся литературы и молодой крови эпохи, то есть комсомола.

Всё это слилось в единый, высококачественный проект, где присутствовали и народы, населявшие Сибирь, их родовые признаки, и история освоения этой земли русскими первопроходцами, и великая индустриализация, и революция, и пришедшая туда наука и, наконец, молодой порыв современного созидания, который, конечно же, инициировал комсомол.

Я давно знаю и люблю Игоря Ильинского, теперь серьезного ученого – политолога и социолога, лучшего теоретика – да и практика – мира молодёжи. Мы познакомились в Новосибирске, когда я собкорил, а он был первым секретарём райкома комсомола. Редакция поручила мне организовать статью о практике комсомольской жизни, мне рекомендовали Игоря, и он, для меня совершенно неожиданно, отгрохал острую, проблемную и конструктивную статью, которую “Комсомолка” напечатала мгновенно. Её прочитали и тут же забрали Ильинского в Москву. И кем? Ответственным организатором по Всесоюзным ударным комсомольским стройкам Сибири! Конечно, Игорь пахал не в одиночку. Но он буквально не вылезал со строек Братской, Ангарской, Саяно-Шушенской ГЭС. Без представителя ЦК там не решалось ни одно хоть сколько-то важное дело, особенно, когда речь шла о судьбах молодых людей.

Лишь многие годы спустя, я узнал от Игоря его собственную историю. Кто он? Коренной ленинградец, маленький блокадник. Когда это стало возможно, его вместе с сестрёнкой, братом и мамой вывезли из Ленинграда и доставили в Новосибирск. Но и отсюда-то отправили в глубинку, в дальнюю деревню, поселили в рассыпающийся домишко. Холодно, голодно, работы нет, лишь жалкие денежные подаяния, которых не хватало на еду. Отец – офицер, воюет. Мать написала ему отчаянное письмо. Отец обратился к Сталину. И вот однажды в деревню эту, куда не добирался никакой иной транспорт, на коне скачет офицер. Спрашивает правление колхоза, врывается туда, кричит там что-то, выбегает, вскакивает на коня, выхватывает револьвер и стреляет в воздух, и раз, и два! И уезжает. На крыльчке появляется убогий деревенский начальник с подручными, бегут к избушке, где обитает эвакуированная семья, и начинают перетаскивать их горький скарб в другую избушку, получше. Оказалось, прискакал офицер из военкомата, сам-то раненный на фронте, и в два счёта навёл порядок! Отец Игоря погиб на фронте, брат умер в этой эвакуации, сестра дожила до седых годов, а он, сквозь ударные стройки и терпеливые труды, вырос в доктора наук, ректора Московского гуманитарного университета, в прошлом – высшей комсомольской школы. Лучший в стране знаток проблем молодёжи, социолог, философ. Дитя войны в высоком смысле слова! Игорь и прозу об этом сам написал. Жаль, поздно, “Молодая проза Сибири” ушла в историю. Но вот именно так, в соединении с трудом, нравственными установками, с верностью Отечеству, служением ему и слиянием с другими людьми, другими усилиями и иной, но такой же самоотверженной, работой рождалось единство молодых сил по имени комсомол.

Именно вот так в те годы издавалась, а главное, писалась наша 50-томная “Молодая проза Сибири”, столь нужная тем, кто осваивал Сибирь. Растянувшееся на целых десять лет издание этой солидной серии именно этим сыграло нежданно позитивную роль, потому что в неё “успели” войти романы и повести молодых писателей о молодых же героях того самого современного строительства.

Материальный труд сливался с духовностью, и одно служило другому, соединяясь в действующее, а не потребляющее государство, выстроенное народом в буквальном смысле. Сделать это могли люди, верующие в цель. И мы, те, кто был тогда в управленческом, или даже исполнительском ряду комсомола, жили именно этими, духовными, а не собственническими интересами.

Собственничество было делом постыдным.

9

Довелось мне, недолго работая в аппарате ЦК, принять участие и ещё в одном историческом деле. В 1966 году С. П. Павлов решил учредить премии Ленинского комсомола, а мне, как инструктору отдела пропаганды, поручили подготовить все главенствующие документы.

Они “вылизывались” коллективно, такая существовала практика, ну, а имена лауреатов нам в отдел спустили сверху. Всё оказалось в десятку! Список был недлинным, но совершенно уверенным и надёжным: музыка – А. Пахмутова и Н. Добронравов, литература – В. Чивилихин и грузин Н. Думбадзе, кино В. Жалакявичюс за фильм “Никто не хотел умирать”, театр – Киевский ТЮЗ, спектакль “Молодая гвардия”. А посмертно и первому – Николаю Островскому. И денежная часть премии была равна Государственной премии СССР! По крайней мере, это сделать позволили “высшие слои атмосферы” один, первый, раз.

Сама эта награда, существовавшая до слома Советской власти и комсомола, сложилась в объективную систему формирования художественной элиты, служившей народу, а не его “заклятым” друзьям. Если громадные, подчас именно “великие” стройки соединяли миллионы людей труда, то премия формировала взгляды и идеологию творческой интеллигенции. И это ей удалось! Сотни и тысячи деятелей культуры разных народов, а потом и учёных, соединяли воедино советскую культуру – со своей верой в народ, верой в честь и достоинство всех перед всеми. А что и кого соединяет теперь? Деньги под мнимыми девизами лукавых “общественных” премий, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу?

10

В 1976 году я был удостоен премии Ленинского комсомола, а в 1980-м Государственной премии РСФСР имени Н. К. Крупской. Решающую роль в присвоении первой премии сыграл председатель Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков, второй – первый секретарь ЦК ВЛКСМ Борис Николаевич Пастухов.

Пишу об этом с душевной им личной благодарностью, потому что эти две премии стали для меня как два крыла для птицы. Я, получалось, набирал высоту, совершенно не думая об этом. Но в один прекрасный миг уровень общественного авторитета совпал с моими давними печальями о сиротском мире. И помог им.

Я ходил к очень многим, предлагая сделать что-то серьёзное для изменения жизни ребят с такой судьбой. У кого только не был! Встретился один на один с министром просвещения СССР М. А. Прокофьевым. Не пробивалось!

Но вот генсеком ненадолго становится К. У. Черненко. А первым помощником у него бывший работник ЦК комсомола, мой приятель Виктор Прибытков, которому я не раз жаловался на эту истинно национальную беду. И вдруг Виктор звонит мне и говорит: “Неси скорее свою записку!” После того как я её тут же написал, снова звонит: “Поздравляю! Дано поручение готовить Постановление ЦК и Совмина СССР. Поручено Алиеву!”

Скажу только, что Гейдар Алиевич Алиев выполнил эту работу блестяще. В 1985-м появилось первое постановление, перевернувшее сиротский мир.

Через два года, став Председателем Совета Министров СССР, Николай Иванович Рыжков позвал меня в Кремль, встретил на пороге своего кабинета вместе с женой Людмилой Сергеевной, и я 3 часа 40 минут рассказывал им о положении детей в СССР. 31 июля 1987 года меня позвали выступить на заседании Политбюро при рассмотрении проекта нового постановления по сиротству. Потом мне шепнули: “Еще ни один писатель не выступал на ПБ по вопросам, литературы не касаемым”.

Комсомол в документе упоминался мельком. И если он исчез в ближние годы, то Детский фонд, сначала Советский, а теперь Российский – живёт и трудится, следуя идеям святости трудного детства – идеям и божеским, и светским, и советским, чему все годы своей жизни верой, правдой и самым смыслом своим следовал комсомол.

11

Получилось как-то не вполне скромно. Написал о себе, но не обо всём комсомоле. В то же время, надо ли мне судить о таком гигантском и историческом деянии и пространстве, как большой комсомол и его достойные дети.

И всё-таки за всё, чего добился и не добился, за всё, что сделал и не сделал, я благодарен и комсомолу, и всему нашему тогдашнему государству, пусть это и звучит высокопарно.

Это тогда передо мной раскрывались двери, это тогда мне предлагали – иди вперёд и добьёшься, это тогда, хотя и не всегда, и не всюду, и не у всех, я мог быть и стал услышанным.

Посчитаю: я вступил в комсомол в 1950-м. Значит, из 100 возможных лет – 68 я если и не числюсь, то полагаю себя верным ему. Как и верным Родине и делу, которому служу во всех своих обязательствах. Из этих 68 двенадцать лет был членом ЦК ВЛКСМ. До ухода в Детский фонд из “Смены” был председателем совета творческой молодежи ЦК ВЛКСМ. Дважды выступал на съездах комсомола.

Так как же я должен думать о комсомоле?

Кто я сам-то для него?

Скажу просто – свой!

Точнее: свой среди своих.